

Борбат Т. И., Чмарова М. И.

*Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь*

**«У СВЕЦЕ ЗНАЮЦЬ СМУТАК ЛІДЗІЦЭ // І АРАДУР У ГОРКАЙ
СКРУСЕ ...»: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ
ХОЛОКОСТА И СОЖЖЕННЫХ ДЕРЕВЕНЬ В БЕЛОРУССКОЙ
И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ**

В каждой из славянских литератур отразились свои национальные драмы и болевые точки: в польской – «сентябрьский шок» военного поражения страны, разгром Варшавского восстания; в чешской – драма народа, которого предали союзники, заставив его сложить оружие и сдаться без боя врагу; в словацкой – та же драма капитуляции Чехословакии и переживания солдат, которые не хотели воевать против русских, но были брошены немцами на Восточный фронт; в хорватской – чувство вины за преступления своих соотечественников, хорватских фашистов. В восточнославянских литературах, в частности белорусской, одной из ведущих тем является тема жизни народа во время оккупации. Отдельная тема славянских литератур о войне – Холокост, особенно яркие примеры которой мы можем найти в польской и белорусской литературах. Причем польская литература уже во время войны отразила трагедию еврейского народа как самими польско-еврейскими поэтами, которые находились в гетто (Яструн, Ян Кот, У. Шленгель, И. Каценельсон) и к поэзии которых трудно применить слово «литература», так как она, скорее, «свидетельство жизни в момент смерти» [3, с. 764], так и поляками, например, Ч. Милашем (стихи «Campo di Fiori», «Бедный христианин смотрит на гетто», где указано «одинокость погибающих») и чувство вины, которое испытывает поляк – свидетель уничтожения), Т. Сарнецким. Это были далеко не единичные

случаи сострадания мучениям евреев через произведения-свидетельства о страшном, бесчеловечном времени.

Одним из произведений-свидетелей, которое поражает больше всего, является «Дневник» Я. Корчака. Жанр дневника «соответствовал» военному времени: позволял писать столько, сколько было суждено жить автору. Так, последняя запись была сделана 4 августа 1942 года – за день до депортации в лагерь массового уничтожения. Жизненный материал в «Дневнике» организован минимально и, кажется, с подсознательной целью – выжить: актуальные записи о трагических событиях в гетто чередуются с воспоминаниями, мгновениями счастья. На страницах «Дневника» Я. Корчак часто возвращается к детству – и не только потому, что он был известным детским писателем и педагогом, основателем и директором Дома сирот. Ребенок – «герой» его жизни и его прозы, а потому в жесткое время человеку было необходимо чувство «базовой опасности», которое как раз связано с матерью, семьей, детством [4].

Имя Я. Корчака позволяет вспомнить еще один специфически «военный» жанр – жанр устной легенды. Легенда Корчака – это рассказ о том, как он отказался от своих воспитанников, и это было бы для него спасением. Но Я. Корчак прошел со своими детьми весь путь до конца, до трагической гибели в Трешлине. Впервые «Дневник» Я. Корчака был напечатан в 1958 году и заставил послевоенного читателя, для которого война стала историей, вернуться в ее ужас. В этом тексте есть свой сюжет – драматическая борьба за жизнь детей, есть своя мораль – вопреки жестким обстоятельствам верить в справедливость и выбирать добро. Есть свой герой – измученный, усталый, но несломленный. С другой стороны, тексты, созданные Я. Корчаком в гетто, могут восприниматься как документальные.

После войны в славянских литературах появляются произведения, отражающие факты сожжения деревень вместе с людьми. Известно, что Беларусь имеет наибольшее количество мест, сожженных вместе с жителями, а белорусская деревня Хатынь стала мрачным символом преступлений фашистских карателей¹. Необходимо отметить, что в белорусской литературе эта трагическая страница Великой Отечественной войны не могла не найти свое отражение. Однако проблема заключается в том, что писать о трагедии сожженных деревень психологически очень сложно, поэтому список произведений на эту тему невелик. Более того, многие аспекты темы оставались вне внимания художников слова, до недавнего времени были «закрыты» для нашей литературы (например, зверства тех, кто выдавал себя за партизан). Одним из первых, кто художественно начал воссоздавать и осмысливать трагические страницы минувшей войны, говорить о массовом уничтожении мирных жителей, сожженных деревень и городков был К. Черный (романы «Пошукі будучыні», «Вялікі дзень»). Например, во второй части романа «Вялікі дзень» – «Слушэцэнне» – писатель точно передает душевное состояние Максима Остаповича, ставшего свидетелем того, как гитлеровцы сожгли

¹ За годы Великой Отечественной войны на Беларуси вместе с жителями было уничтожено 627 деревень.

мельницу вместе с жителями деревни. Свидетельством бесчеловечности фашистов служит и образ солдата Эмилия Клебера, который с автоматом в руках «сторожил этот жертвенный огонь», чтобы никто не мог спастись.

В послевоенное время была написана известная поэма П. Бровки «Голос сердца», которая имеет автобиографическую основу – посвящена матери поэта, погибшей в Освенциме². Она была схвачена за связь с партизанами и вывезена в лагерь смерти. Строки поэмы вырастают из личных переживаний и боли человека, навсегда потерявшего своего самого близкого человека. Поэта охватывают воспоминания о детстве, матери, с которой связаны самые светлые страницы жизни: «Досыць мне ростані, родная, досыць. // Што ты загінула, – можа здалося. // Сенцы адчыніш, паклічаш у хату // Можа, й не быў я ў тым месцы праклятым, // Дзе ты збылася ў пакуце пякельнай... // А каля печы зазвоніш патэльняй, // Ды за сталом, за абрусам бялюткім // Будзеш расказваць навіны ціхутка <...>» [1, с. 414]. Рассказ в поэме ведется от имени автора, и это делает ее богатой на чувства и настроения. Боль сменяется гневом, воспоминания соседствуют с показом настоящего и взглядом в будущее, нежность и умиление вдруг сменяются гневом и проклятием. Свою боль П. Бровка связывает с тревогой за судьбу человечества, хочет, «каб болей пакутаў людзі не зналі», призывает защитить мир от повторения подобной трагедии.

Публицистической страстью, гражданским звучанием выделяются поэтические произведения Нила Гилевича, посвященные теме обожженного войной детства («Ты кажаш, я не ведаю вайны», «Зямля бацькоў, Лагойшчына мая»). Родина, Логойщина, где родился и вырос поэт, предстает в тревожном освещении военных пожаров и опустошении сожженных деревень. Реалистичными красками рисует Нил Гилевич картины жизни деревни во время войны, образы односельчан, на долю которых выпали невероятные испытания (паэмы «Сто вузлоў памяці!», «Недзялення», «Заручыны», цикл вершаў «А раницы ўжо не было», аўтабіяграфічная апавесць «Перажыўшы вайну», патрыятычная араторыя «Гарыць, гарыць мая Лагойшчына»).

Оратория Н. Гилевича – одно из самых достоверных произведений о трагедии белорусского народа в годы фашистской оккупации. Неизмеримыми горем и болью, отчаянием, гневом, местью наполнены строки упомянутой оратории, где поэт перечисляет названия деревень, которые «датла скіпелі ў агні»: «Не стала Рудні і Кандратовіч, // Датла скіпела Гарадзішча – // І плакаць некаму над страатамі, // Над чорным сумам папялішчаў. // Гарыць Хатынь, Губа, Ідаіна, // Палаюць Ніўкі, Стайкі, Гані... // А колькі заўтра будзе спалена <...>» [2, с. 307]. Суровое и точное повествование, «лишенное всякой шутности, дает читателю возможность увидеть жертв, услышать их голоса» [6, с. 133]. Органично вошли в ораторию «Гарыць, гарыць мая Лагойшчына» четыре баллады, в основе каждой лежит трагедия. Боль за перенесенные Родиной и народом страдания заставляет поэта выступить в литературе в качестве

² Освенцим стал для всего человечества символом горя и страданий. Такая же фабрика смерти находилась около г. Минска недалеко от деревни Трастенец.

«повпреда» своего народа: «У свеце знаюць смутак Лідзіцэ // І Арадур у горкай скрусе. // А партызанкай першай лічыцца // Зямля бясстрашнаў Беларусі. // Павекаў забойцаў ненавідзячы, // Мой край і кроплі не прыдумаў // Пра нашых дзевяць тысяч Лідзіцэ // І дзевяць тысяч Арадураў» [2, с. 315].

Неброскими штрихами Н. Гилевич сумел передать тихое умиление белоруса такими, на первый взгляд, незаметными и такими значительными мелочами мирной жизни: красной ленточкой в косе девочки, песком на улице, по которой прошло стадо коров, звучанием названий деревень. За этими поэтическими картинками мирной жизни в памяти белоруса предстают образы национальной трагедии: красной лентой крови на шее убитой девочки, пепел сожженных домов и людей ...

Проклятием фашистскому безумию отзываются в душе современного читателя голоса (юноши, девушки, сеятеля, жницы, четырехлетнего мальчика), подслушанные на кладбище деревень (цикл стихов «А раніцы ўжо не было»). Примечательно, что в произведениях нет лирико-публицистических отступлений. Голоса погибших звучат естественно и сурово. Трагическое ощущение возрастает и от того, что цикл стихов начинается прологом-надписью на мемориальном венке в Хатыни: «Людзі добрыя, помніце! // Мы любілі жыццё, і Радзіму, // І вас, дарагія, // Мы згарэлі жывымі ў агні. // Наша просьба да ўсіх: // Хай жалоба і смутак // Абернуцца ў мужнасць і сілу, // Каб змаглі ўвекавечыць вы // Мір і спакой на зямлі <...>» [2, с. 338].

Многие произведения о Великой Отечественной войне основываются на документальной основе. Уникальная книга А. Адамовича, Я. Брыля, У. Калесника «Я з вогненнай вёскі», которая не имеет аналогов в других славянских литературах, – страстный публицистический документ, обвинение фашизму. С военных эпизодов, фактов, цифр, фотографий, голосов людей, которые чудом спаслись из огня, складывается целостный образ трагедии белорусского народа. Со страниц книги предстают матери, родители, дети, которые выжили, чтобы рассказать всему миру об издевательствах палачей-нелюдей, об одной из самых печальных страниц в истории белорусского народа.

К глубинам народной памяти обратился А. Адамович и в «Хатынской аповесці», в художественную ткань которой вплетены документальные записи, сделанные А. Адамовичем, Я. Брылём, В. Калесником. Произведение состоит из нескольких концентрических кругов, постепенно приближающих читателя к восприятию боли людей из «огненных деревень». На документальном материале создан и роман «Карнікі», в котором А. Адамович, рассматривая исторические факты и документы, стремился постичь философский смысл событий, понять, почему происходит процесс расчеловечивания, откуда берутся «гипербореи» (первоначально роман назывался «Гіпербарзі») ³.

Тема сожженных деревень затрагивается и в книге С. Алексиевич «Апошнія сведкі» (сто недетских рассказов). Герои книги – последние

³ У 1985 г. режиссёром Э.Климовым был снят фильм “Иди и смотри” (сценарий А.Адамовича), в основе сюжета которого – “Хатынская аповесць”, фрагменты романа «Карнікі». Кинофильм завоевал Гран-При на Мировом кинофестивале в Москве (1985) и триумфально демонстрировался во многих странах мира.

свидетели трагических дней войны – вспоминают о том, что было увидено, пережито, прочувствовано в детстве. Писательница пытается найти ответ на вопрос: сколько человеческого и сколько звериного в человеке?

Много горькой, трагической правды о пережитом белорусским народом в военное время находим в последних романах И. Чигринова «Вяртанне да вінь» і «Не ўсе мы згінем». Так, например, во время последнего разговора с Чубарём у Зазыбы появляется мысль о «зало́жніцтве ўсяго народа, які падпаў пад акупацыю і ахвяры могуць быць незлічоныя». Вскоре Зазыба становится свидетелем этих жертв, когда гибнут семьи и партизан, и полицаев, пылают деревни.

Трагедия белорусских деревень не оставила равнодушными и других восточнославянских мастеров слова. Украинский писатель Н. Нагнибеда после посещения Беларуси создал поэму «Званы Хатыні». Это художественное произведение стало еще одной попыткой осмыслить трагедию сожженных деревень. Поэма воспринимается и как поэма-реквием, и как поэма-обвинение, и как поэма-напоминание: «Клянуся гневам і журбой, // Усім, што ў сэрцы маю: // Былінкай стануся сухой, // Калі пазабываю // Хатынь, // Лясную, // Астраўкі. // Як дараваць іх кату!» [5, с.10].

Поэт отражает неутешность боли о безвинно погибших, размышляет о том, почему человечество потеряло человеческое лицо и, в общем, как Бог допустил эту трагедию: «Вечарэе... // Барвовае волава хмар... // Мне здаецца: // Пажар... // Усё той жа пажар, // Быццам маткі // Пад вогненнай страшнай страхой, // Прыкрываюць, // Галосячы, // Дзетак сабой...» [5, с.27].

Н. Нагнибеда в своем произведении вспоминает о трагедии и других сожженных деревень: французской – Орадур, чешской – Лидице, украинской – Кортелисы. Символический образ журавлей, птичьего клина воспринимается в поэме и как души умерших, и как свидетели страшных пожаров: «І счэзнуць птушак цені. // Мо жураўлі паўз Арадур, // Паўз Лідзіцэ ляцелі? // А можа, бачылі з-пад хмар // У стэпе Украіны // Маіх Картэлісаў пажар, // Нявінных сёл руіны» [5, с. 28].

Исследователи «военной» литературы часто упоминают известное высказывание немецкого философа Тодора Адорно: «После Освенцима писать стихи невозможно» [3, с.767]. Действительно, если европейская культура, которая достигла в своем развитии невероятных высот, но не смогла предотвратить падение человечества, то зачем писать стихи? Но это только одна сторона правды. Ведь сама попытка отразить в слове то, что не поддается выражению словом, свидетельствует о сохранении лица и неисчерпаемости ресурсов человечности в человеке: «Я іду <...> // б'юць расстайна Хатыні званы – // Несціханае, смутнае // Рэха вайны. // У душы я нясу // Гнеў і жалюбу зямлі, // Ўратаванай людзьмі» [5, с. 29].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Броўка, П. Збор твораў: у 9 т. / П. Броўка. – Мінск : Маст. літ., 1988. – Т. 2. – 545 с.

2. Гілевіч, Н. Збор твораў: у 6 т. / Н. Гілевіч. – Мінск : Маст. літ., 1996. – Т.1. – 350 с.
3. История литератур западных и южных славян. Том 3: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы – 1945 год). – Москва: Индрик, 2001. – 992 с.
4. Корчак, Януш. Дневник / Я.Корчак // Януш Корчак. – Москва : Изд.-во «Правда», 1989. – 89 с.
5. Нагнібеда, М. Званы Хатыні // Паэма / М. Нагнібеда. – Мінск : Маст. літаратура, 1973.
6. Рагуля, А. Імгненні... / А. Рагуля. – Мінск : Нар. асвета, 1990. – 192 с.